

# От карьеры дворника его уберегла семья

Главный художник Большого театра Сергей Бархин стал издателем

*Общая газета, 1999  
4-10 марта  
с. 10*

Вместе с сестрой-близнецом Татьяной Сергей Бархин только что выпустил книгу покойной матери, крупного архитектора Елены Новиковой – «Хроника пяти поколений». В основу книги легли не только личные воспоминания, но и сохранившиеся дневники купеческих предков.

— Какие чувства вы испытываете, сделав вместе с сестрой книгу матери?

— Облегчение. И тут же намерение еще издавать. Родственниками написано очень много. В частности, «Памятная книга» Герасима Хлудова. Там все: закладка Храма Христа Спасителя, похороны Гоголя, пожар Большого театра... Хлудовская книга готова. Потом приступим к найденновской – два машинописных тома...

С другой стороны, дедушкин брат Константин Бархин, известный педагог: оказалось, у него в 1913 году вышла книга стихов на темы Екклесиаста. Он расстрелян. Как не почтить память? Прадед с этой стороны был иконописец, еврей, выкрест. Его из Перми вместе с молодой женой сослали в Петровский Завод, в Забайкалье, где были декабристы, и через два года он умер.

— За что сослали?

— Боюсь, что за убийство, хотя и не уверен. Дедушка в двенадцать лет пошел работать на рудник. А стал архитектором. Тоже написал книжку – об архитектуре театра. Строил «Известия». Делал усыпальницу Юсупова. Был главным архитектором Иркутска. Все трое детей стали архитекторами. Папа более всего известен почти достроенным вместе с Сергеем Вахтанговым зданием театра Мейерхольда.

— Когда стало не страшно говорить о предках? Когда был Советский Союз, вы знали про свою семью?

— Альбомы с фотографиями валялись в доме. Совершенно не было чувства, что вот раньше было хорошо, теперь плохо. Про свои корни мы знали, но для меня это ничего не значило. Рядом в доме жил замминистра, отец моего друга Юры Шкварикова, – вот это что-то значило. Я понимаю, Михалков или Бурденко...

— Другая знать была.

— Другая, советская. А эти, в вязаных шапках... даже было стыдно.

— Неприятностей не было на эту тему?

— Не было, потому что про дедушек не спрашивали. Вот недавно выяснилось, почему меня 25 лет не пускали за границу. Во-

первых, крестился во взрослом состоянии. А я действительно крестился у отца Александра Менья в 68-м году. Во-вторых: пьяница. Что неправда. И в-третьих: женщины. А я-то думал, что по политике не еду.

— Вы и не ездили по политике. Просто они любят выставлять аморальные причины, чтобы унижить человека.

— Они отняли у меня границу. Я первый раз выехал в пятьдесят лет. Я так себе напредставлял Париж, а это оказался обычный грязный город. Я сказал: отдаю свои поездки детям. Не своим. Вообще. Потому что, если дети приехали в Египет в возрасте десяти лет – это навсегда. А я? Я смотрю – в воображении все было лучше.

— Вы стали ездить как главный художник Большого театра?

— Нет. Меня тошнит от употребления... Один раз только съездил на три дня в Швецию как главный художник – и то тошнило. Хотя люди хорошие. Экзистенциализм учит – живи, как будто ты живешь последний день. И я стал так жить. Потом придумал другую формулу: надо общаться с человеком так, как будто не я, а он живет последний день. Раньше я самых известных режиссеров посылал и уходил из их театров, хлопнув дверью...

— Характер такой скверный?

— Еврейский характер, который не терпит несправедливости. И на публику обязательно. В революционное время я, наверное, хорошо бы себя показал. В смысле демагогии. Зато теперь, куда бы я ни позвонил, мне сделают все. Потому что я разговариваю с людьми, как будто они живут последний день.

— Из книги я узнала про многие московские места, где были дома, имени ваших предков. Особняк на Покровке, где теперь посольство Ирака, усадьба Найденновых с домом Жиларди у Язвы, дом на Садовом кольце, в котором планетарий, дом на Тверском бульваре, где родился Гершен, другие особняки и усадьбы. Вы чувствуете, что это ваше?

— Чувствую. Хожу смотреть. Есть ли претензии? Да нет, претензий нет. Только презрение. Они ведь ограбили очень многих... Вытравили из нас всякую экономическую жилку и удачливость. И перестройка в этом смысле мимо меня прошла. Мне никогда не было интересно сообщать, что выгодно купить. Вот книжный факт неумножим, памятник архитектуры можно сломать. Я отдаю предпочтение слову

и книге. И знаю, что достаточно полслова написать: такой-то дурак. И никто этого не опровергнет.

— А вы пишете?

— Да, только воспоминания. В основном про маленьких людей. Про людей, про которых никто не вспомнит. Как бы некрологи такие. Я хорошо контактирую с людьми, которых общество не принимает. Я хотел бы писать как Пиранделло. Не как Горький. Хотя пафос, к сожалению, прорывается.

— Вы всегда были отдельным человеком?

— Я всегда общался с совершенно другими людьми. Почему я выдержал, допустим, пресс «Современника», когда ставил там как художник – я их в гробу видал, потому что до этого я видел архитекторов Жолтовского, Мельникова, Леонидова, людей совсем другого замеса.

— А в чем заключался пресс?

— Ну, если приходил режиссер, даже Хуциев, то первой задачей было, путем сложного перекрестного измывательства, доказать, что режиссер этот говно по сравнению с ними. Там даже вахтер мог не узнавать вас, хотя вы ходили туда каждый день. Та же история с Шукшиным в театре Маяковского, когда эти пролетарское лицо вахтеры выгнали с собственной премьеры палкой. Мы с режиссером Шиферсом говорили: в хорошем месте в каждом вошедшем подозревают апостола Павла... Неофициально нигде нельзя было работать, я только ездил по провинции, потому что все в Министерстве культуры знали, что я хулиган... А в институте, по мнению кафедры марксизма, я был стилиста. К сожалению, я им не был. А просто на вопрос об отношении к венгерским событиям я ответил: если венгры хотят быть свободными, так и надо сделать, что тут такого? С тех пор я больше двух очков по марксизму не мог получить. Эта марксистская философия – презренное дело, они меня правильно не пускали...

— Как вы согрешили с театром?

— У моего друга Миши Анкиста папа был известный театровед. Мы с Мишей пошли в театр. Театр тогда стоял очень высоко, и платили гораздо больше. Архитектор – первый, кого унижает государство. Тогда был такой Промислов, Посохин-старший, был Гришин, партийный хозяин Москвы... И сегодня Лужков объясняет, как надо сделать, а архитекторы выстраиваются в очередь и спрашивают: а как, а как? Сейчас еще хуже.

— Как вы согрешили с театром?

— У моего друга Миши Анкиста папа был известный театровед. Мы с Мишей пошли в театр. Театр тогда стоял очень высоко, и платили гораздо больше. Архитектор – первый, кого унижает государство. Тогда был такой Промислов, Посохин-старший, был Гришин, партийный хозяин Москвы... И сегодня Лужков объясняет, как надо сделать, а архитекторы выстраиваются в очередь и спрашивают: а как, а как? Сейчас еще хуже.



— Читая книгу, реально видишь, что бандитский капитализм совершенно необязателен – в том капитализме, который строили наши предки, ничего бандитского не было. Почему такая разница между теми и этими?

— Тогда была частная собственность. Они должны были прийти из деревни в город, из крестьян сделаться ремесленниками, дальше купцами, и то, если повезет, если он вовремя сообразит и попадет в нужную отрасль. Он же не мог купить по три копейки всю нефть, потом продать ее по триста долларов и забрать себе всю прибыль!

— Мораль не играла роли?

— Ну как, они все были старобрядцы, верующие люди, они не могли красть.

— В книге сильнейшее впечатление производят факты уничтожения семьи – вся история государства тут. Вы злились, ненавидели, простили?..

— Не злился и не простил. Я злился на конкретные проявления. Под влиянием Шиферса я прочитал русских философов. Потом крестился – конечно, только в знак противостояния. Если все против меня, Любимов, Ефремов, вся архитектура, то я мог быть только как Шиферс или как Шварцман. Но один – философ, а другой – художник. Я не мог сразу перейти в разряд дворников – у меня пять иждивенцев. Я стал делать книжки. И спектакли. И научился быть умнее режиссеров, научился впендюривать, что нужно сделать вот так, – какие-то гипнотические данные у меня есть. Очень легкий путь оказался: не надо спорить, не надо нервничать, не хочешь – я пошел. Он сразу теряет уверенность...  
— Критика вас хвалила, ругала?

— Блестяще ко мне относилась. Только критики и поддерживали. И враги. Людям свойственно поддерживать человека, который ниже, чем заслуживает.

— А мама вас поддерживала?

— Мы были очень близки. Все понимала, утешала. Даже когда у меня бывали тяжелые разлады. Я всегда опаздывал. Хотя я мог уже и не любить, но не мог сам уйти, потому что считал: это все равно что застрелить.

— Сколько же у вас было жен?

— Трудно ответить. Пять, я думаю. Если я живу с женщиной у нее в доме, жена или не жена? Я никогда не искал любовницу – я всегда строил семью. Официально три жены.

— Жена ревнует вас?

— К кому? К женщинам? Меня женщины перестали интересоваться. Мне нечего искать. Во-первых, Лена (Козелькова, актриса «Современника») сильно отличается от остальных. Больше радости, меньше претензий. Сейчас мне эта мысль не приходит в голову. Не будет счастья, даже если я договорюсь с этой... с Пугачевой. Я знаю, ничего лучше не будет. Будет только хуже. Но спасение не в женщинах.

— На протяжении жизни, Сергей, ваш характер ухудшился или улучшился?

— Что вы называете: ухудшился-улучшился? Я стал верующим. Просто я, как гирька весов, всегда на противоположной стороне. Я конкретному человеку только сочувствую. Обычно у меня сожалею-ласкательные отношения с людьми. Отеческие. Иногда я зол. Только не на конкретных людей. Не на близких. Характер? Не знаю. Во всяком случае, если прадедушка мой, будучи иконописцем, убил и был сослан на Петровский Завод, а другой прадедушка был вчера крестьянин, а завтра чуть не самый богатый человек – конечно, во мне много чего скрестилось. С другой стороны, я все время защищался, искал мотивации: а чем я не хуже других...

— На протяжении жизни, Сергей, ваш характер ухудшился или улучшился?

— Что вы называете: ухудшился-улучшился? Я стал верующим. Просто я, как гирька весов, всегда на противоположной стороне. Я конкретному человеку только сочувствую. Обычно у меня сожалею-ласкательные отношения с людьми. Отеческие. Иногда я зол. Только не на конкретных людей. Не на близких. Характер? Не знаю. Во всяком случае, если прадедушка мой, будучи иконописцем, убил и был сослан на Петровский Завод, а другой прадедушка был вчера крестьянин, а завтра чуть не самый богатый человек – конечно, во мне много чего скрестилось. С другой стороны, я все время защищался, искал мотивации: а чем я не хуже других...

Беседовала  
Ольга КУЧКИНА

## Досье

Сергей БАРХИН – известный художник, сценограф, архитектор. Родился в Москве в семье потомственных архитекторов. Кроме того, семья Бархина была в родстве с родом купцов, фабрикантов и меценатов Морозовых, а также с не менее знаменитыми семействами купцов Хлудовых, Найденновых, Новиковых, Прохоровых, Шаниных. Среди именитых родственников Бархина – путешественник Николай Пржевальский и писатель Алексей Ремизов.

Окончил Московский архитектурный институт в 1962 г. В 67-м дебютировал как сценограф в спектакле «Современника» по пьесе Э.Олби «Баллада о невеселом кабачке». Работал в театрах по всей стране, оформлял спектакли очень разных режиссеров – «Чайку» и «Народовольцев» О. Ефремова, «Тартюф» Ю. Лю-

бимова, «Татуированную розу» и «Царскую охоту» Р. Виктюка, «Кто боится Вирджинии Вульф?» В. Фокина. В 80-х тесно сотрудничал с К. Гинкасом и Г. Яновской («Гедда Габлер», «Собаچه сердце», «Соловей», «Гроза» и др.). В 1988–1990 гг. был главным художником Музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко («Пират», «Борис Годунов», «Ромео и Джульетта»). С 95-го года Бархин является главным художником Большого театра («Травиата», «Аида», «Иоланта», «Жизель»).

Профессор Российской академии театрального искусства, создатель и руководитель факультета сценографии РАТИ.

Лауреат Государственной премии России и национальной театральной премии «Золотая маска».